

Солженицынские
ТЕТРАДИ

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Москва
Русский путь
2016

5

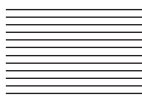
УДК 82.0
ББК 84(2Рос)6 + 83.3(2Рос)6
С-60

*Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати
и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы
«Культура России (2012–2018 годы)»*

Главный редактор *А.С. Немзер*
Оформление *С.А. Астафуров*
Макет *И.И. Антонова*

ISBN 978-5-85887-465-2

© Авторы, 2016
© Солженицын А.И. (наследники), 2016
© Чуковская Л.К. (наследники), 2016
© ГБУК «Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына», 2016
© Оформление. ЗАО «Издательство “Русский путь”», 2016

ПУБЛИКУЕТСЯ ВПЕРВЫЕ: Из наследия Александра Солженицына

Александр Солженицын

ИЗ «ЛИТЕРАТУРНОЙ КОЛЛЕКЦИИ» (Об Анне Ахматовой)

*Публикация, подготовка текста,
вступительная заметка и комментарии Н.Д. Солженицыной*

В Архиве А.И. Солженицына хранится толстая тетрадь, озаглавленная «Литературные встречи и записи». Начата тетрадь в июле 1962 года, в ней с большой подробностью записывал А.С. встречи и разговоры с А.Т. Твардовским, обсуждения рукописей «Ивана Денисовича», «Матрены», «Круга», «Ракового корпуса» в редакции «Нового мира», а затем и на заседании Секретариата Союза писателей, — детальность этих записей обеспечила впоследствии фактологическую точность «Очерков литературной жизни» («Бодался телёнок с дубом»). Есть в тетради и записи встреч с А.А. Ахматовой, Б.А. Можаяевым, В.Т. Шаламовым, труппой театра «Современник» и др. Некоторые из них сделаны кратко, в пути, на маленьких листочках из блокнотов, позже вклеенных в тетрадь.

Летом 1981 года в Вермонте Солженицын увлеченно читает недавно вышедший в Париже 2-й том «Записок об Анне Ахматовой» (1952–1962), откликается на них в письме к Л.К. Чуковской и упоминает, в частности, о своих заметках «по свежему следу»:

«В записи от 30.10.62 впервые прочёл, каково ж было впечатление Ахматовой от встречи со мной¹. Мне и лестно, и тепло вспомнить ту встречу. Было их несколько, а вот не собрался я до сих пор их описать, хотя записи по свежему следу сделал, и целы. Может, когда посвободнее — так и доберусь. Если жизни хватит. Но сколько помню себя — мои взятые задачи всегда перевешивали успевание»².

В ответном письме Лидия Корнеевна пишет:

«Не сомневаюсь, что Ваши собственные записи о встречах с АА имеют интерес чрезвычайный»³.

¹ См.: Чуковская Л.К. Записки об Анне Ахматовой: в 3 т. М.: Согласие, 1997. Т. 2. С. 532–533.

² См. в наст. изд. письмо Солженицына к Л.К. Чуковской («Тяжёл искус такой разлуки...»). Письмо 7 от 31 августа 1981. С. 46).

³ Там же. Письмо 8 от 14 декабря 1981. С. 49.

Через шесть лет Солженицын все-таки «добрался» описать свои встречи с Ахматовой. Написал очерк 6 июня 1986 года и никогда более к нему не возвращался. О существовании этого текста знал Н.А. Струве, многолетний издатель и друг А.С. Готовясь отметить 100-летие Ахматовой в издаваемом им «Вестнике христианского движения», Струве писал Солженицыну:

«Я собираюсь издать за первое полугодие 1989 г. два номера, причем второй в значительной мере посвятить Ахматовой, и тут не могу Вас не спросить, не согласились ли бы Вы (сколько *не* от надежды на *да!*) дать в него Ваши коротенькие воспоминания о встрече с ней? Я знаю, что Вы считаете их неотшлифованными, но, м.б., можно их подать именно как ответ на просьбу редакции поделиться по случаю 100-летия воспоминаниями о встрече»⁴.

Солженицын не счел свой очерк достойным юбилейного хора: «Сейчас Вы спрашиваете, не дам ли очерк об Ахматовой? — нет, он слаб, не разработан (да и никогда уже, наверно, не будет...)»⁵.

Все-таки в «Литературную коллекцию» автор очерк включил, поместив его в рубрику «Некоторые литературные встречи мои. (По записям тех же дней)».

В настоящем выпуске «Тетрадей» мы предлагаем читателю первую публикацию очерка «Анна Ахматова». Текст печатается по рукописи, хранящейся в Архиве А.И. Солженицына в Троице-Лыкове. Рукопись со многими вставками, вычеркиваниями, перестановками является первой и единственной редакцией очерка.

Существует в Архиве Солженицына еще один рукописный текст, посвященный Ахматовой: неоконченный набросок, передающий впечатления автора при чтении ее стихов. Рукой А.С. пометка: «нач. 1990». Текст не имеет названия, и по его поводу не оставлено ни указаний, ни пожеланий. Мы решили опубликовать его — в соседстве с очерком о встречах Ахматовой и Солженицына и окончанием переписки Л.К. Чуковской с писателем, в которой «АА» неизменно выступает героиней. Текст печатается по рукописи, хранящейся в Архиве А.И. Солженицына в Троице-Лыкове.

⁴ Письмо Н.А. Струве к Солженицыну от 25 декабря 1988 (Архив А.И. Солженицына в Троице-Лыкове).

⁵ Письмо Солженицына к Н.А. Струве от 12 января 1989 (Архив Н.А. Струве).

АННА АХМАТОВА

В октябре 1962, когда «Иван Денисович» ещё не был напечатан, но низливались с верхов надежды, что — разрешён и в следующем номере будет, а «вся Москва» конечно давно прочла, Копелевы спросили: «А хочешь увидеть Анну Андреевну Ахматову?»¹ Я даже ошеломился: я не был готов ко встрече такой высоты. Да захочет ли она меня принять? Уверили, что — да, вот их, например, уже принимала. И тут же Копелев стал ей звонить — и по тону не застенчиво, и видно, что с той стороны отвечали одобрительно. Сговорились. На другой же день, 29 октября, среди дня, я ехал на Ново-Хорошевское шоссе, какой-то полубарачный писательский двор, где А.А. остановилась у Марии Сергеевны Петровых².

Я ехал, волнуясь: первый раз в жизни мне предстояло коснуться вживе настоящей русской литературы, да просто *никто* до этого срока не дожил, одна она. Литература, казавшаяся мне давно убитой и прерванной, — оказывается, ещё дотянулась, чтобы пожать мне руку в напутствие.

Не пожать, разумеется, — я ехал, чтобы начать с почтительно-внимчивого поцелуя её руки. Но вот промах: не догадался спросить у Копелевых: а как А.А. сейчас выглядит? Я не думал, что могу не узнать, я уверенно ожидал сухонькую тёмную старушку, загнанную ждановскими гонениями³, иссушенную тяжкой жизнью. А вот: отворилась дверь, вступаю в крохотную прихожую, из неё дальше две двери, и в каждой стоит по женщине, обе улыбаются. Слева в двери — очень полная, седая, крупная — я и решил, что М.П.

¹ Лев Зиновьевич *Копелев* (1912–1997, критик, германист, тюремный друг Солженицына) и его жена Раиса Давыдовна Орлова (1918–1989, критик, писатель) познакомились с А.А. Ахматовой в мае 1962 года в Москве, с тех пор поддерживали связь. См. их совместный мемуарный очерк «Встречи с Анной Ахматовой» в кн.: Орлова Р., Копелев Л. Мы жили в Москве: 1956–1980. М.: Книга, 1990.

² *Петровых* Мария Сергеевна (1908–1979) — поэт.

³ Погромное постановление Оргбюро ЦК ВКП(б): «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» было принято 14 августа 1946 года, опубликовано в «Правде» 21 августа: «Ахматова является типичной представительницей чуждой нашему народу пустой безыдейной поэзии. Её стихотворения, пропитанные духом пессимизма и упадочничества, выражающие вкусы старой салонной поэзии... не желающей идти в ногу со своим народом, наносят вред делу воспитания нашей молодёжи и не могут быть терпимы в советской литературе». 15 августа член Политбюро А.А. Жданов «разъяснял» это постановление активу ленинградской партийной организации, 16 августа — собранию писателей, работников литературы и издательств в Смольном. В конце августа издан приказ Совета министров СССР по охране военных и государственных тайн в печати № 42/1629-с: «§2.: приостановить производство и распространение следующих книг: Ахматова А.А. Стихотворения. 1909–1945 г. Гослитиздат. Ленинград, 1946. 340 стр. Тир. 10 000 экз. Ее же. Избранные стихи 1910–1946 г. Издательство “Правда”. Москва, 1946. 48 стр. Тир. 100 000 экз.» (История советской политической цензуры. М., 1997. С. 508). В сентябре М.М. Зощенко и А.А. Ахматова исключены из Союза писателей. Постановление было отменено лишь в октябре 1988 года.

А прямо в двери — более подходит к мысленному образу, наверно А.А.? Заколебался, и хорошо хоть не успел ошибиться, не вышло конфуза. Полная дама уверенно повела меня в свою комнату, но задуманный входной поцелуй руки не состоялся. Да я и без цветов — после зэчества и по скудости у меня такого обычая совсем не было. Пошли сели на диване.

Я сказал заготовленную фразу, упрощая тоном её возвышенность, но это именно то, что я чувствовал:

— Доводится мне прикоснуться к доброй старой литературе. Так пустыня и мрак — пройдены!

Ответила:

— Это возвышенно звучит, а на самом деле всё умеют исковеркать.

И разговор сразу принял печальный оборот. Она употребила такое сравнение своей жизни: «как воронка с половиной убитой кошки». (Точно записал в тот вечер, хотя сейчас не вполне понимаю.) Дала «одно в жизни интервью английскому корреспонденту — и всё искажено»⁴. На Западе пишут о ней «альковная поэзия», «странное молчание столько лет» — «а я ведь и ответить не могу». Американский издатель полного Гумилёва⁵ «написал похабные строки вокруг стихотворения Гумилёва о размолвке», будто они разошлись давно, — и прислал ей же корректуру. И что ему ответить?

Я тогда ещё нисколько не вошёл в литературную обстановку, не мог оценить и охватить положение Ахматовой передо всем западным свинством и тупым непониманием — «долгое молчание»!.. Тут ещё (я потом сопоставил, разговору у нас о том не было): за несколько дней до того обошли её Нобелевской премией, куда выставляли её итальянцы (дали в тот год Стейнбеку), — да ведь не этот год один пропустила шведская Академия, — кого из русских писателей они способны оценить вовремя?⁶

⁴ Алан Морей Уильямс (1915–1996), английский поэт и журналист, посетил А.А. весной 1961 года; их беседа, оформленная как статья Уильямса, появилась в «Нью-Йорк геральд трибьюн» 24 ноября 1961 года.

⁵ 1962 году в США вышел первый том Собрания сочинений Н.С. Гумилева под редакцией Г.П. Струве и Б.А. Филиппова. В июне 1965 года в Лондоне Ахматова встретила с Г.П. Струве и выразила ему возмущенное несогласие с его трактовками, о чем он писал в письме к А. Бахраху: «...два довольно продолжительных разговора главным образом в связи с нашими изданиями как Гумилева, так и ее сочинений... об издании Гумилева, особенно первом томе, отозвалась довольно сурово (и в сущности придирчиво-несправедливо), главным образом из-за моей биографической статьи» (Письмо Г.П. Струве А. Бахраху // Нерлер П.М. Материалы об О.Э. Мандельштаме в американских архивах // Россия в США: Сб. ст. М., 2001. С. 122).

⁶ К 1962 году было два русских нобелевских лауреата по литературе — И.А. Бунин (1933) и Б.Л. Пастернак (1958). В 2000 году в беседе с Витторио Страда А.С. сказал: «Я считаю, что несколько российских нобелевских лауреатов по литературе пропущено в этом веке лишь благодаря тому, что знакомство с их творчеством возникало или после их смерти, или почти уже при смерти» (*Солженицын А.И.* На возврате дыхания: Избранная публицистика. М.: Вагриус, 2004. С. 654).

Сказала Анна Андреевна твёрдо:

— Я — предпочитаю Жданова: по крайней мере, всё ясно. А там [на Западе] — даже понять нельзя, такой сумбур и бессмыслица.

(Это я дословно записал. Но далеко ещё было мне тогда понять всю верность её слов, и что Ахматова чётко предвляла меня, что предстоит мне узнать вперёд за четверть века.)

Что я мог ей принести в утешение? От души:

— Для меня: Пушкин — Лермонтов — Блок — и вы!

Улыбнулась широко:

— Вы меня испортите.

— Я ответил Твардовскому, что уже и меня поздно испортить, а куда же вас!

Сказала она, что перенесла уже третий инфаркт⁷. Зарабатывает — переводами казахов, по подстрочнику. Переводов ответственных, как Шекспир — избегает.

Считает: почему Сталин её не уничтожил? — слишком нашумел, сделал заметной. Но лишили писательского пайка, иностранных посылок. Спрашивал злорадно: «А как поживает монахиня?»

На Сталина я отозвался готовно и дерзко: разрешите, прочту стихотворение на его смерть? (Я — ей!!) Прочёл — «Пятое марта»⁸. У неё непринуждённо вырвалось:

— Здорово! — И сразу: — Сталин всё-таки не уничтожил, кого нужно. Вот — вас и меня, пропустил.

Я бестактно предложил, что прочту ещё 2–3 стиха — да не поэзию выставить, а передать ей накопленное лагерное чувство. Но забывал, путал строчки. Мягко выслушала, тактично заметила:

— О ваших стихах скажу ещё потом. А хотите — я вам почитаю?

Читала из «Поэмы без героя». Потом пошла за портфелем. Вырезка из «Литературы и жизнь» («ЛиЖи» называли тогда) — вот внезапно опубликовали несколько стихов, и с портретиком⁹; из общества (то есть «прогрессивного») упрекают Анну Андреевну, как можно публиковаться в ЛиЖи?

Я: Да не слушайте их, после стольких лет молчания — что вам выбирать? Какая разница? — все они одним миром мазаны.

Что «прогрессивных», что «реакционных», — всех их я тогда верно понимал как лживых услужливых холопов советского режима.

⁷ Третий инфаркт случился в начале октября 1961 года. А.А. пролежала в 1-й ленинградской больнице им. Ленина (в Гавани) три месяца, вышла лишь 8 января 1962 года.

⁸ Солженицын А.И. Пятое марта // Собр соч.: в 30 т. М.: Время, 2016. Т. 18: Раннее. С. 240.

⁹ Отклонив два из четырех стихотворений, «Литература и жизнь» 5 апреля 1959 года напечатала «Летний сонет» («Здесь всё меня переживёт...», 1958; позднее название «Приморский сонет») и «Музыка» («В ней что-то чудотворное горит...», 1958), причем последнее — в переделанном для цензуры варианте.

Из портфеля же — вынула и ту молодую фотокарточку с разреженным чубиком, с которой этот типографский оттиск. О, как уже непохожа, как далека от той.

Сказала:

— Всё стараюсь писать короче. Всё кажется, что стихи ещё длинные, даже восемь строчек длинно.

Замечательно! Вот это — вершина.

Уговаривал её все силы приложить к оформлению сборников и циклов.

Про «Ивана Денисовича»: надо, чтоб эту вещь прочли 200 миллионов. В ней «нет просто наблюдений, всё служит цели». (Сравнила с Хемингуэем: рыба два раза плюнула, но ничего из этого потом не выходит.) С каких лет вы пишете?

— Да смешно сказать, чуть не с 9 лет решил, что буду писателем.

— Так и должно быть. — (И ведь верно!) — У вас есть ещё рассказ?..

— У меня...

Тут я замялся. Лагерная выдержка. Что уже в «Новом мире», то да, два рассказа¹⁰. А что есть роман готовый («Круг»), что задумал и начал систематический обзор всей лагерной системы («Архипелаг») — этого не сказал. (Потом Л.К. Чуковская будет упрекать меня за эту скрытность: «Уж Анне Андреевне можно было довериться, умела хранить тайны, как никто».)

— Будете переезжать в Москву?

— Да нет, не думаю. Не тянет в Москву.

— Вам предстоят жестокие испытания славой. Пастернак — не выдержал.

Я, уверенно: что выдержу, даже не понимаю, что тут выдерживать?

— Сорок четыре года? Это очень мало, какой вы молодой.

Очень тепло расстались. С Петровых так и не поговорили (а говорят — незаурядная).

Через месяц, 30 ноября, по приглашению А.А. снова был у неё, в этот раз на квартире Глен, редакторши Гослитиздата¹¹. (В Москве у А.А. не было угла, она гостила у одних, других, переезжая, чтоб не слишком отягощать собой — а себя всегда ощущая бездомной.)

А.А. хотела видеть меня и просто, и с особой целью: единственный послевоенный сборник её, «Стихотворения», издан в чёрном переплёте, а малая серия — в белом. Эту — она держит для избранных и теперь достала ещё

¹⁰ «Матрёнин двор» Солженицын передал А.Т. Твардовскому в декабре 1961 года, 2 января 1962-го состоялось редакционное обсуждение рассказа в «Новом мире»; «Случай на станции Кочетовка» был написан в начале ноября 1962 года и 15 ноября передан Твардовскому. А.Т. надеялся напечатать их вслед «Ивану Денисовичу», в ближайших номерах.

¹¹ Глен Ника Николаевна (1928–2005) — переводчица, с 1956 по 1983 год — сотрудница Гослитиздата, с 1958 по 1963 год — «частный» литературный секретарь Ахматовой.

свободный экземпляр для меня¹². Надписала при мне: «А. Солженицыну в дни его славы»¹³. (Разумно предвидя, что будут всего лишь дни.)

— Штурм и натиск на вас — весь впереди, это только начало.

Но и я — то трезво видел, как быстро натиск славы и любопытства оборвётся или, вернее, станет злобным — в этом нисколько не обманывался.

Конечно, и я принёс ей журнальный оттиск «Денисовича». Не помню, как подписал, но, видимо, не ошибся, потому что сказала недовольно:

— А мне теперь подписывают без фамилии.

То есть по имени-отчеству? Очевидно, ценила «Ахматову». Никогда не спросил её: а почему она взяла татарский псевдоним?

Передавала, что в «Современнике» молодые актёры завидуют своим старшим, которым я читал «гениальную пьесу»¹⁴. (Таков был раскат и моей славы, и лагерной темы — по советским масштабам «гениально» уже то, что это не из пальца высосано, а — кровью сердца. Да истосковался русский читатель, уж очень зажаждалось «гениального».)

— По Москве в деталях известен наш с вами разговор: что вы мне сказали, что я вам сказала.

— Ну, уж это не от меня! Я — просто никому не говорил.

Плутовато улыбаясь:

— Ну, возможно, от меня...

(Вот так и рассказывай вам тайны! Нет, моя закалка лагерная не сдаст. О наших встречах и разговорах А.А. действительно широко рассказывала, а из тех, кто выслушал её — некоторые потом писали и свои пересказы в своих мемуарах, уже доплетая и вымысел, и искажения.)

¹² Речь идет об издании: Ахматова А. Стихотворения (1909–1960). М.: ГИХЛ, 1961. Тираж 50 000 экз. Книге предпослан автобиографический очерк А.А. «Коротко о себе»; послесловие А. Суркова. (Это — второй послевоенный сборник Ахматовой, первый вышел в 1958 году, также в Гослитиздате, тираж 25 000 экз.) Об этом издании Н.Н. Глен пишет: «Примечание для библиофилов. Эту книгу, с легкой руки Ахматовой, ее друзья стали называть “лягушкой” — за зеленоватую обложку. Увидев, что и обложка ее огорчила, я попыталась уговорить художников и “производственников” издательства выпустить хотя бы часть тиража в другой одежде, но удалось сделать только 100 штук для самой Ахматовой — 75 черных и 25 белых» (Глен Н.Н. Вокруг старых записей // Воспоминания об Анне Ахматовой / сост. В.Я. Виленкина и В.А. Черных, коммент. А.В. Курт и К.М. Поливанова. М.: Сов. писатель, 1991).

¹³ См. ил. между с. 16–17 наст. изд. — *Ред.* В подаренном экземпляре есть правка рукой Ахматовой.

¹⁴ «В конце ноября [1962], через десяток дней после появления рассказа, художественный совет “Современника”, выслушав мою пьесу (“Олень и шалашовка”...), настойчиво просил разрешить им ставить т о т а с, и труппа будет обедать и спать в театре, но за месяц берётся её поставить! <...> Да упущено было время: уже сказывалось давление на театры после декабрьской кремлевской “встречи” [Хрущева с интеллигенцией]. “Современник” не решился приступить даже к репетициям, и пьеса завязла на многие годы» (Солженицын А.И. Бодался телёнок с дубом. М.: Согласие, 1996. С. 52, 53).

Нынешняя комната была втрое меньше, чем мы встречались первый раз: стены как будто сосступались на Ахматову, всё верней выражая зажатость её жизни. И — нездорова она была, одетая — но лежала, а я сидел близ дивана. Говорила, что лучше всего ей живётся в доме творчества в Комарове, так там тихо, не захочу ли я туда приехать? (Но я никак не спешил воспользоваться — да за годы ни разу и не воспользовался — этим писательским правом. Чужд я оставался всей этой среде и её обычаям.)

Тут Анна Андреевна сказала: «Я штатная пушкинистка» — (я понятия не имел!) — и кое-что ей удалось открыть, чем она гордится. (Я прочёл лишь через много лет, в Вермонте. Оказалось, что исследования или текстологические, или по личной судьбе, но — охватного объёма и значения.)

Записи этой встречи у меня, к сожалению, не подробны: записывал в крохотном блокноте, где-то в пути, в метро или в электричке. Говорили о музыке. Она очень любит Мусоргского, сошлись на Бетховене, Шуберте и Шопене. (Моцарт у меня не записан, не знаю отчего.)

Рассказывала о гибели Гумилёва, и как всё дело его было дуто (4–25 августа 1921).

Вдруг спросила:

— А знаете ли вы Булгакова? Как вы к нему относитесь?

Я оживился: ещё бы! Он — моя особая любовь, ещё от «Турбиных», до войны. А вот в «Александринке» видел и «Бег»¹⁵. Ощущаю с ним — духовное родство.

— А хотите познакомиться с его вдовой?

Я очень обрадовался.

Тут же, у дивана, телефон, набирает.

— Елена Сергевна! У меня сидит сейчас самый большой. Самый главный и самый популярный в Москве. Догадались? Он хочет с вами познакомиться, передаю ему трубку.

Кажется, А.А. относилась к Е.С. несколько прохладно. Но я был безмерно рад. И это имело продолжение¹⁶.

Анна Андреевна тут же сказала:

— Вы — сильней Булгакова.

Хотела ли меня подбодрить? Постоянный ли счёт такой идёт между писателями? Но это не соответствовало моим чувствам к Булгакову: я не меряться хотел с ним, а продолжать — белогвардейскую линию.

¹⁵ Параллельно ростовскому физмату учась в московском МИФЛИ, Солженицын в январе 1941 года сдавал зимнюю сессию и 7 января был на спектакле «Дни Турбиных» во МХАТе. Пьесу «Бег» он видел летом 1958 в Ленинградском драматическом театре им. А.С. Пушкина.

¹⁶ О знакомстве и дружбе с Е.С. Булгаковой, о чтении у неё в доме неопубликованных рукописей М.А. Булгакова Солженицын рассказал в очерке «Мой Булгаков» (Солженицынские тетради: Материалы и исследования. М.: Русский путь, 2013. Вып. 2. С. 5–27). См. также фрагменты переписки Е.С. Булгаковой и А.С. («Неожиданному другу...» // Там же. С. 28–42).

14 февраля 1963 я снова посетил А.А.¹⁷ — на этот раз в квартире Ардовых, в Замоскворечьи¹⁸, и это была уже не комната, а настоящий тюремный бокс: между дверью и маленьким окошком стояла вдоль только кровать, занимая две трети ширины, А.А. сидела на кровати, а я — на единственном стуле для посетителя, так что колени упирались в кровать же.

Как А.А. жила в Москве гостем, и всё у чужих — так тем более наезжал и я, жить негде, приезжаю из Рязани на считанные дни и часы, всё делаю плотно, динамично, — и всё только *дело*. И в этом темпе я допустил непростительную ошибку. Не успевая осознать, насколько ж для меня это касание к Ахматовой неповторимо, сколько традиции и прошлого я могу и должен перенять у неё, — я в этот раз вздумал проверить у А.А. суждение Твардовского о «Дороженьке»¹⁹. То есть поэтическим достижением я и сам её не считал, но, может, всё-таки восполняется содержанием? Хотелось получить решающее мнение. И я попросил её разрешения почитать ей из поэмы. Слушала невозмутимо — а я 1-ю главу, потом 2-ю, кажется, и кусок из 3-й. Она не останавливала, но я ощутил: не то, неуместно, бессовестно так читать.

Сказала:

— Не надо такого линейного развития. В стихах должна быть тайна. Слишком лобово, что это — биография. Есть лишние слоги. Интересно (может, лишь потому, что это — вы), но растянуто. Впрочем, для меня теперь всё растянуто, что больше четырёх строчек. Проза у вас великолепно защищена, а это — незащищённое, не печатайте сейчас²⁰.

¹⁷ Этой третьей встрече предшествовали новогоднее письмоцо Солженицына (из Рязани в Ленинград) и ответная телеграмма Ахматовой (публикуются впервые):

«27.12.62. Дорогая Анна Андреевна! От души поздравляю Вас с Новым Годом, желаю в нем Вам — здоровья и той же ясности духа, стихам Вашим — увидеть свет (и чтобы побольше!). Дали мне вёрстку № 1 “Нового мира” с моими рассказами, и я с удовольствием обнаружил, что мы с Вами там по соседству. Да будет это символом того, что мы с Вами будем видеться в 1963-м! Всего-всего доброго и благополучного! Ваш А. Солженицын» (ОР РНБ. Ф. 1073. Ед. хр. 1003).

Телеграмма подана в Москве 11 января 1963 года:

«Рязань 23 1-й Касимовский 12 кв 3 Александру Исаевичу Солженицыну

Благодарю новогоднее поздравление скоро поеду Ленинград когда будете Москве приходите = Ахматова» (Архив А.И. Солженицына в Троице-Лькове).

¹⁸ ...в квартире Ардовых, в Замоскворечьи... — Виктор Ефимович Ардов (1900–1976, писатель-сатирик) и его жена Нина Антоновна Ольшевская (1908–1991, актриса) жили на Большой Ордынке (дом 17, квартира 13). В Москве А.А. чаще всего останавливалась у них.

¹⁹ Солженицын вспоминал, как в редакцию «Нового мира» «снёс несколько глав старой лагерной повести в стихах... Твардовский справедливо отверг её. “Я понимаю, — говорил он, — в лагере надо же что-то писать, иначе мхом обрастёшь. Но...” Он волновался, не обижусь ли. Я успокоил» (Бодался телёнок с дубом. С. 87).

²⁰ А.С. и не печатал свою лагерную повесть в стихах 46 лет. Первая публикация — в сборнике: *Солженицын А.* Протеревши глаза. М.: Наш дом — L'Age d'Homme, 1999. (См. также: Собр. соч.: в 30 т. Т. 18: Раннее.)

Мне стало неловко, что я столько времени её отнял.

Записаны слова её от той встречи, без сплошной связи:

— Письма от читателей? Больше получаю просьбы о деньгах. Вам ещё не присылают?

— Поэзия всё время наступает на прозу и отвоёвывает у неё кусочки... «Евгений Онегин», как шлагбаум, закрыл всем движение — Лермонтову, Баратынскому, Блоку с «Возмездием». Обойти этот шлагбаум сумел Некрасов. Лирика его плоха, но поэмы есть замечательные, — «Мороз Красный Нос». Это — удивительный поэт, засорённый эпохой, временем.

Очень для меня неожиданно было это суждение о Некрасове — я привык обходить его и презирать за компанейство с ревдемократами.

Ещё о себе рассказывала. В 1925 состоялось какое-то особое постановление, и Ахматову запретили печатать²¹. Троцкисты Лелевич, Селивановский лили на неё потоки грязи²². Но в 1939 Сталин спросил о ней — и сразу начали печатать²³.

Доберутся ли когда-нибудь наши перья до той распроклятейшей «красной свободы» 20-х и половины 30-х годов?..

²¹ Возможно, имеется в виду резолюция ЦК РКП(б) от 18 июня 1925 года «О политике партии в области художественной литературы»: «Отсеивая антипролетарские и антиреволюционные элементы... борясь с формирующейся идеологией новой буржуазии среди части «попутчиков» сменовеховского толка, партия должна терпимо относиться к промежуточным идеологическим формам, терпеливо помогая эти... формы изживать» (О партийной и советской печати: Сб. док-тов. М., 1954. С. 345).

Анна Ахматова: «После моих вечеров в Москве (весна 1924) состоялось постановление о прекращении моей лит<ературной> деятельности. Меня перестали печатать в журналах и альманахах, приглашать на лит<ературные> вечера. (Я встретила на Невском М. Шаг<инян>. Она сказала: “Вот вы какая важная особа: о вас было пост<ановление> ЦК: не арестовывать, но и не печатать”) <...> Между 1925–1939 меня перестали печатать совершенно» (Записные книжки Анны Ахматовой. М.; Torino: Einaudi, 1996. С. 28).

²² Г. Лелевич (наст. имя и фам. Лабори Гилелевич Калмансон; 1901–1937), поэт, критик, член редакций журналов «На посту» и «Октябрь» и Алексей Павлович Селивановский (1900–1938), критик, журналист — видные руководители Всероссийской ассоциации пролетарских писателей (ВАПП). Выступали с резкой критикой «непролетарских писателей» — Анны Ахматовой, Осипа Мандельштама, Александра Грина, Бориса Пастернака. Расстреляны.

²³ «В феврале 1939 года на приеме в честь писателей-орденоносцев Сталин что-то спросил об Ахматовой. Вскоре появилось сообщение о том, что ее новые стихи (после пятнадцатилетнего перерыва) напечатают в “Московском альманахе”. Эта публикация, правда, не состоялась, но в следующем году случилось нечто совсем уж неожиданное.

Выход сборника «Из шести книг» был событием... — за книгой с утра, до открытия книжного магазина, стояла длинная очередь на Кузнецком Мосту. <...> Появление ахматовской книги требовало каких-то объяснений — прошел слух, что книгу издали по распоряжению Сталина, дочь которого любила ахматовские стихи, и сборник получил прозвище “папин подарок Светлане”» (Тименчик Р.Д. Предисловие // Анна Ахматова. Requiem. М., 1989. С. 21).

И ещё летом 1963 я был в Ленинграде — и посетил (в этот раз с женой Н.А.²⁴ и с большим букетом) А.А. на Широкой, где жила она у падчерицы²⁵.

Эта встреча у меня не записана, да и в памяти почему-то не осталась, кроме, единственно, моей грубости. Уже прочтя её «Реквием», а в груди нося весь план будущего «Архипелага», я сказал:

— По-моему, название «Реквием» не подходит к этой поэме. Реквием, по традиции, включает «Dies irae»²⁶, Страшный Суд и сотрясение Вселенной; миллионные масштабы. Одинокое горе матери — это ещё не реквием.

Уверен, что я её обидел, и ведь несправедливо. (Другим говорила, что я не понимаю определения, что такое «реквием».)

В Париже она рассказывала Н. Струве о наших встречах²⁷, в том числе: «Читал мне поэму, я сказала — “пишите прозу, вы в ней неуязвимы”, — он воспринял хорошо», — всё так, но: «После этого не появлялся». То есть обиделся на критику? Вот уж — это не я.

Значит, и не запомнила нашу четвёртую встречу в Ленинграде. Может и лучше? Тогда не запомнила и что я о «Реквиеме» сказал?

Я не могу точно объяснить, почему у меня не возникло к А.А. устойчивого сердечного сродства, потребности чаще видеть её и духовно от неё питаться? — ведь я чрезвычайно люблю её поэзию. В том боевом напряжении, в котором я тогда находился, в той неразвёрнутости к свободному движению я не получил и двадцатой доли того, что мог бы получить от встреч с Ахматовой.

И с тех пор — мы уже не виделись с ней никогда, только в июне 1964 я послал телеграмму к её 75-летию²⁸. Позже от Л.К. Чуковской узнал отрывочное²⁹:

²⁴ Наталья Алексеевна Решетовская (1919–2003) — первая жена А.И. Солженицына.

²⁵ ...на Широкой, где жила она у падчерицы. — Широкая улица была переименована в улицу Ленина в 1923 году. Последний ленинградский адрес Ахматовой — дом писателей, ул. Ленина, 34, кв. 23, куда она переехала в 1961 году вместе с семьёй Пуниных — Ириной Николаевной Пуниной, дочерью ее бывшего мужа Н.Н. Пунина, и Анной Каминской (дочерью И.Н. Пуниной) с мужем.

²⁶ «День гнева» (лат.).

²⁷ Никита Алексеевич Струве (см. о нем на с. 274 наст изд.) встречался с А.А. Ахматовой в Париже 19, 20 и 21 июня 1965 года, его воспоминания «Восемь часов с Анной Ахматовой» опубликованы неоднократно (см., напр.: Ахматова А. Сочинения. München: Междунар. лит. содружество, 1968. Т. 2; см. также: Звезда. 1989. № 6).

²⁸ Телеграмма от 22 июня 1964 года хранится в отделе рукописей РНБ (Ф. 1073. Ед. хр. 1003). Публикуется впервые.

«Ленинград Ленина 34 квартира 23 Ахматовой

В три четверти столетия по-прежнему благоухающую поздравляю = Солженицын»

²⁹ См. в наст. изд. письмо Л.К. Чуковской к автору («Тяжёл искус такой разлуки». Письмо 8 от 14 декабря 1981 и примеч. 1 к нему. С. 48–51).

— А.А. оспаривала вероятность «Случая на станции Кречетовка» (Сталинград-Царицын?.. удивительно, что никто не верит, но было именно точно так, в этом же эпоха!).

— А.А. обиделась, что я не дал ей прочесть «главы о тюремном свидании» (вероятно — те несколько глав из «Круга», которые как «Отрывок» предлагал Твардовскому, он забраковал³⁰, и я больше не давал им движения, но слушок, очевидно, пошёл).

— Осуждала меня, что я отказался подписать письмо в защиту Бродского. (Я — и не помнил. Но действительно, меня к этому призывали Эткинды, а я отказался без малейшего колебания и угрызения: нося в себе «Архипелаг» и «Красное Колесо», считал я себя свободным от всяких «писем протеста». Одно дело, когда знакомого мне Жореса Медведева посадили в психушку — я и вкатил³¹, а тут ленинградскому юноше предстоит небольшая ссылка? — да только черпнёт немного настоящей жизни.)

Л.К.Ч. очень корила меня, что я не приоткрыл Ахматовой «Архипелага» (в 1964–65 он писался уже на полном ходу): «А.А. всегда была настороже от стукачей, видя их иногда там, где их и не было. Замечала слежку. Держала “Реквием” незаписанным 24 года! Политическая осторожность была её манией»³². Но, боюсь, что и я был прав: если А.А. так открыто рассказывала даже о политических подробностях наших разговоров.

Скорбно: великому соотечественнику, современнице, такому большому понимающему сердцу — и не открыться, нельзя...

Так что, встретясь несколько раз, мы с А.А. в главном — как бы проминули друг друга.

³⁰ См.: Бодался телёнок с дубом. С. 91.

³¹ См.: «Вот как мы живём» // Солженицын А.И. Публицистика: в 3 т. Ярославль: Верх.-Волжск. кн. изд-во, 1995–1997. Т. 2. С. 39–40.

³² Сокращённая цитата из письма-отзыва Л.К. Чуковской по прочтении рукописи «Бодался телёнок с дубом» (см.: «Слово “Самиздат” пишется с большой буквы...» // Солженицынские тетради. М., 2013. Вып. 2. С. 68–72 (письмо 21 от 4 мая 1971).

[«ОНА — ОТНАЧАЛА СОВЕРШЕНСТВО»]

(Сборник 1961 года, который она мне подарила³³.)

Может быть, на впечатление моё повлияло и то, что я читал её сразу вслед Пастернаку. И от этого: как будто вернулся на родину. Пастернак кипуче *работает* над стихом, и чтение его — тоже большая работа. Ахматова льётся — как если б мы её стихи знали отроду, ещё и не читав.

Она — отначала совершенство, от самых первых-первых молодых стихов 1909 года. Какой лаконизм и скупость на слова, ничего лишнего — и сколько же чувства! Какая интимность, задушевность — и во многих стихах подряд. 1911: «Я тоже мраморною стану»³⁴ — и сбылось. И долго: в ряду её стихов нет такого, который не хотелось бы выделить: ах, хорошо! ах, отлично! Не находишься сделать замечания, потому что стихи не сделаны, не рукотворны. И какая афористичность: никаким ненужным словом не засорённые строчки так и просятся запомнить их. Всегда — чёткий рисунок чувства, выраженный лаконично и простейшими словами. Какая простота средств! Уверенное властное чувство и звук — и никакой нарочитой метафоричности, поиска образов. Редко-редко встретится:

— И башенных часов кривая стрелка
Смертельной мне не кажется стрелой³⁵.
— Осень смуглая в подоле
Красных листьев принесла³⁶.
— Было солнце таким, как вошедший
в столицу мятежник³⁷.
— ...шхуны, как голубки,
Друг к другу нежно, нежно прижимаясь³⁸.

Вместо всяких метафор у неё — точно найденные эмоциональные детали. Например, «Смятение» в «Чётках». И все же стихи — по 8, 12 строк. Знаменитая её перчатка с левой руки, надетая на правую. («Песня последней встречи».)

Такое впечатление, что никаких «формальных поисков» у неё за всю жизнь не было: просто жила, и когда из души лилось, так и писала в простоте.

— Рифм — у неё совсем никогда не замечаешь (за главным течением чувства, она не охотится за ними и не выставляет их). Нет ярких находок, ка-

³³ Ахматова А. Стихотворения. 1909–1960. М.: ГИХЛ, 1961. (Библиотека А.И. Солженицына; с пометами на полях.) Также см. в наст. изд. «Анна Ахматова». С. 10–11.

³⁴ «...А там мой мраморный двойник...» («В Царском селе»–2, 1911).

³⁵ «Слаб голос мой, но воля не слабеет...» (1912).

³⁶ «Вновь подарен мне дремотой...» (1916).

³⁷ «Небывалая осень построила купол высокий...» (1922).

³⁸ «Покинув рощи родины священной...» (1915).

кие врезались бы, но и никакие (долго) не кажутся примитивными, потому что рифмы у неё совсем не живут отдельно, они органическая часть стиха. Даже множества простых глагольных рифм долго не замечаешь, замороженный общим чувством и естественностью звучания.

И какое владение белым стихом — затопляющее чувство. («Эпические отрывки» из «Белой стаи».)

Хотя она и настаивала, в разговорах, что она не поэтесса, а поэт, — но она почти не бывает «поэт вообще», а всегда прежде всего — женщина. Такие и льются сборник за сборником: какие же женские стихи! И какие женские жесты:

— И сухими пальцами мяла
Пёструю скатерть стола³⁹.
— Сжала руки под темной вуалью...⁴⁰

А «Шиповник цветёт» — снова какая страсть! — и это между её 57 и 67 годами! (Форма частей, как бы сонаты, очень хороша. Но переобременена эпиграфами.)

— Однако с какого-то момента думаешь — а ведь из женских переживаний она мало и выходит, — и «Вечер», и «Чётки», и «Белая стая», и «Подорожник». Только с «Тростника» появляется философская созерцательность, более общий взгляд. Вот в «Воронеже» — и чувство русской истории, и чувство красоты города (чего нет у сосланного туда Мандельштама, ему не до того?). «Данте». Но — не много такого. В «Подорожнике» же (1917):

Мне голос был. Он звал утешно...
Оставь Россию навсегда.

Переживание — вровень с Семнадцатым годом, — и тут она смело отвечает традиционным старинным, даже как бы из Священного Писания:

Руками я замкнула слух⁴¹.

И исключительное — «В сороковом году» («Когда погребают эпоху...», «Лондонцам» — какое органическое ощущение единства с Европой и какая ответственность перед историческим моментом!).

«Почернел, искривился бревенчатый мост...» (1917) — редкое у неё (жаль!) с прямыми народными мотивами, или некрасовской интонацией.

Но в *общем* охвате всего написанного: камерность, крупного явления Мира — нет. Не широк диапазон мыслей и сюжетов. Не только с Пушкиным она в этом не идёт в сравнение, но и Блок — куда шире и разнообразнее её.

³⁹ «Не тайны и не печали...» (1915).

⁴⁰ «Сжала руки под темной вуалью...» (1911).

⁴¹ «Когда в тоске самоубийства...» (1917).

— Отдельной струйкой у неё — стихи о самом стихотворчестве. Это — удивительное «Творчество» (1936) и «Они летят, они ещё в дороге» (ненаписанные стихи, 1916) — как ярко ощущение творящего поэта! Это редчайше у кого найдёшь. — И весь цикл «Тайны ремесла».

— Кроме уже названных сильно выдаются:

«Широк и желт вечерний свет...» (1915)

«Эта встреча никем не воспета...» (1916)

«Как мог ты, сильный и свободный...» (1922)

«И упало каменное слово...» (1934)

Частности.

«Маяковский в 1913 году» (1940) — кажется фальшивым. Неужели и в 1940 она считает: «на свою великую борьбу», «имя... всей страной хранимо»?

— Неожиданно удачны патриотические: «Первый дальнобойный в Ленинграде», «Мужество», «Нох» (1941–42). Но уже и в «Мужестве» делает усилия с горлом, это — не её звук. Другие — слабы. «С самолёта» (1944) — казённые стихи. «Приморский парк Победы» (1950) — как будто ничего низкого нет, но невыносимо всякое прикосновение к казённости. Только в тяжкие свои годы она могла это написать. И в «Прошло пять лет...» (1950):

Ты стала вновь могучей и свободной,
Страна моя!

Хочется «руками замкнуть слух». — «Говорят дети» (1950) — туда же, и тоже искусственно⁴².

— Ташкентский цикл «Луна в зените» — как она уверенно вошла в новую обстановку. (Уж слишком замкнул её Петроград.)

Поэмы⁴³

У самого моря (1914) (Ожидание обещанного царевича, а он не прибыл, мёртв.) Море, Крым, молодое настроение, белые стихи.

⁴² В 1949 году был снова арестован Л.Н. Гумилев, сын А.А. Стихи 1950 года — «это поступок отчаяния», — пишет Л.К. Чуковская. «Цикл “Слава миру” (фактически — “Слава Сталину”) написан Ахматовой как “прошение на высочайшее имя”» (Записки об Анне Ахматовой. Т. 2. С. 411). «Когда, в 1950 году, Ахматовой намекнули “сверху”, что, если она напишет стихи в честь Сталина, это может облегчить участь сына, она сочинила целый цикл... в котором прославляется Сталин. Это унижение было для нее одним из самых тяжких в жизни. Тут ее покинула даже так называемая техника, даже ремесленные навыки» (Там же. С. 705).

⁴³ Каким именно изданием пользовался автор, читая поэмы Ахматовой, установить не удалось.

Блок ей об этой поэме: «не надо уравнений с десятью неизвестными»⁴⁴. Да, есть искусственность, он прав: что-нибудь *этакое* придумать.

Путём всея земли (1940). Воспринимаю как набор фрагментов, неопределённо блуждающую мысль-воспоминание.

Поэма без героя (в том же 1940 захватно начата, доделывалась позже). Как будто заложены те же недостатки: и уравнение уже со *ста* неизвестными, и бессвязно блуждающие воспоминания, — но как это обворожительно отлилось! Играющее легкомыслие, бал капризов, скорей французская вещь. Сам стих, даже где теряешь (а чаще теряешь) смысл, — так и втягивает, завораживает. При таком ритме — такие схватчивые стихи, так и впиваются в уши и в душу. Извержение фантазий, блистательная вереница. И правильно, что она не бралась никому объяснять: тут и всё очарование в необъяснённости. (Л.К. Чуковская: «Пир памяти».) Многая загадочность украшает эту поэму. Это и — порыв пережить снова свою молодость.

...казалось, что это
Я пишу для кого-то либретто,
И отбоя от музыки нет.

Дышат — и старый Петербург, и культура перед 1914.

Чуть более понятно — с системой издательских примечаний. А примечания автора (иногда объяснения, откуда взяты цитаты) — зря, иногда с остроумием, а иногда и вовсе нет. (Обилие реминисценций закономерно входит в этот жанр.)

Совсем новый приём: авторские прозаические пространственные ремарки перед стихотворными главами. Что ж, это неплохая новизна. Разные шрифты — тоже закономерно. А уж вертикальная запись — это неуместно.

И опять — перегрузка эпиграфами. Почти все они — не нужны, только портят.

Тут же и — включение в поэму не вошедших в неё вариантов («Через площадку») — это уже скупость, этого делать не следует.

— Совсем отделён, пристроен эпилог: об осаждённой столице (по воображению увеличено её разрушение: «От Гавани до Смольного всё как на ладони»), о войне, полёте на Урал в эвакуацию: вдруг такая серьёзность. Но странно: этот чёткий эпилог как-то подкрепляет прежнюю призрачность.

— Мейерхольд и Иоанн Креститель в одной строке⁴⁵ — фу.

⁴⁴ Письмо А. Блока от 14 марта 1916 года: «...не надо мертвого жениха, не надо кукол, не надо “экзотики”, не надо уравнений с десятью неизвестными» (Блок А.А. Собр. соч.: в 8 т. М.; Л., 1960–1963. Т. 8. С. 458–459).

⁴⁵ «Этот Фаустом, тот Дон Жуаном, / Дапертутто, Иоканааном...» — строки из главы первой части первой. «Доктор *Дапертутто*» — псевдоним Вс.Э. Мейерхольда, взятый из «Приключения новогодней ночи» Гофмана. *Иоканаан* — так назван в пьесе О. Уайльда «Саломея» святой Иоанн Креститель.

— Вой ветра в трубе — «умело спрятанные обрывки реквиема» — хорошо!
— Непробудная с о н ь (редкость для неё).

Реквием

Снова — прозаическое Предисловие (1957), как в «Поэме без героя» — этот приём у неё отлился и удался.

Высшим я нахожу в «Реквиеме» не основной текст (1–10), а прибавления в начале и конце: *Посвящение* (подругам по тюремным очередям, 1940), *Вступление*, а затем второй *Эпilog* (1940). Тут — и «осуждённых полки», и «безвинная корчилась Русь... под шинами чёрных марусь», и «каторжные норы», «И если зажмут мой измученный рот, которым кричит стомиллионный народ», — это и есть размах, достойный Предмета. А стихи 1–10 — цельны, но камерны, горе матери о сыне, одинокое личное горе, для н а ш е г о Реквиема — мало, нет масштабов. (И я об этом опрометчиво сказал Анне Андреевне, быть может обидев её, — сам в тот момент упустив, что размах навёрстывается в Посвящении-Вступлении и Эпиглоге.)

В 3 и 4 особая выразительность от незаконченных строф и фраз.

Некоторые строфы — как из камня высечены, выделяются афоризмами:

— И ненужным привеском болтался
Возле тюрем своих Ленинград.
— Буду я, как стрелецкие жёнки,
Под кремлёвскими башнями выть.
— И упало каменное слово
На мою еще живую грудь.

(Это — она под 1934-м включала в сборник, но без названия «Приговор», можно было подумать, что — интимное переживание.)

— Муж в могиле, сын в тюрьме,
Помолитесь обо мне.

Да и — миллионам известная бытовая зарисовка:

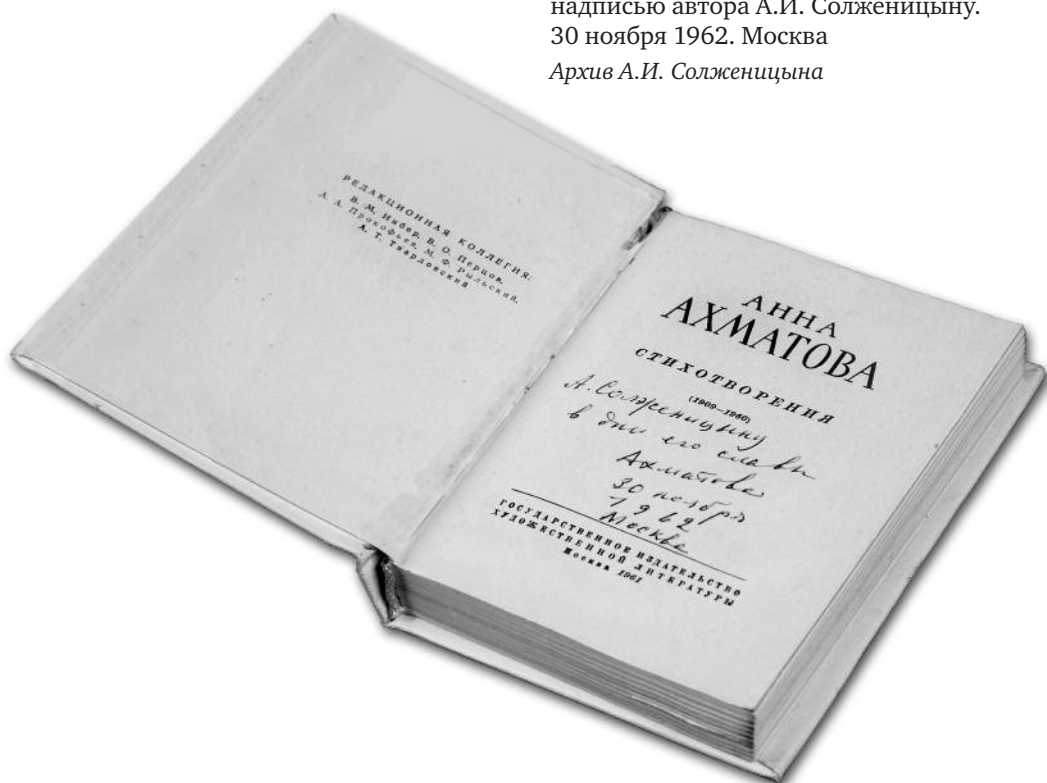
— Чтоб я увидела верх шапки голубой
И бледного от страха управдома.

Как хорошо, что А.А. и написала и сохранила «Реквием»: это — и выдающийся памятник нашей литературы, и — вершина её социально-исторического ощущения.

ИЗ «ЛИТЕРАТУРНОЙ КОЛЛЕКЦИИ»
(ОБ АННЕ АХМАТОВОЙ)

Сборник Анны Ахматовой
«Стихотворения (1909–1960)»
(М.: ГИХЛ, 1961) с дарственной
надписью автора А.И. Солженицыну.
30 ноября 1962. Москва
Архив А.И. Солженицына

МИНИСТЕРСТВО СВЯЗИ СССР

X 11 Ф. ТГ-12

ТЕЛЕГРАММА

11 ПРИЕМ: 15 59 го час. мин.	ПЕРЕДАЧА: го час. мин.	Адрес: РЯЗАНЬ 23 1-й КАСИМОВСКИЙ 12 КВ 3 АЛЕКСАНДРУ ИСАЕВИЧУ СОЛЖЕНИЦЫНУ:
Бл. № 12 28 Принят:	№ связи Передал:	
Из: МОСКВЫ 6/3802 21 11 1430 го час. мин.		
Служебные отметки:		
БЛАГОДАРИ НОВОГОДНЕЕ ПОЗДРАВЛЕНИЕ СОЛЖЕНИЦЫНА ДЕНИНГРАД КОГДА БУДЕТ МОСКВЕ ПРИВЕТ АХМАТОВА		

Телеграмм, тип. № 10—5024—62 г. т. 55000x100

Телеграмма, посланная А.А. Ахматовой из Москвы в Рязань А.И. Солженицыну. 11 января 1963. Карандашные пометки рукой Солженицына
 Архив А.И. Солженицына

29.12.65

Дорогая Анна Андреевна!

Как мне в новогоднюю ночь пере-
 сти Вам по воздуху вантов бодрости
 и сил? — помоги Вам выбраться из
 болезни — и снова писать в насла-
 дение нам?

От души желаю Вам выздоро-
 вания!

Ваш
 Андрей

Письмо А.И. Солженицына к А.А. Ахматовой. 29 декабря 1965
 Архив Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург)

СОДЕРЖАНИЕ

ПУБЛИКУЕТСЯ ВПЕРВЫЕ

Из наследия АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА

<i>Александр Солженицын. Из «Литературной коллекции» (Об Анне Ахматовой)</i>	<i>5</i>
<i> Публикация, подготовка текста, вступительная заметка и комментарии Н.Д. Солженицыной</i>	
<i>Анна Ахматова.</i>	<i>7</i>
<i> [«Она — отначала совершенство»]</i>	<i>17</i>
<i>«Тяжёл искус такой разлуки»: Из переписки Александра Солженицына и Лидии Чуковской (1980–1993)</i>	<i>22</i>
<i> Публикация, подготовка текстов и комментарии Е.Ц. Чуковской и Н.Д. Солженицыной, вступительная заметка Н.Д. Солженицыной</i>	

СТАТЬИ, ВЫСТУПЛЕНИЯ

<i>М.Е. Федянина. «Архипелаг ГУЛАГ» А.И. Солженицына как эпопея: Особенности поэтики</i>	<i>103</i>
<i>И.Е. Мелентьева. Жизнь животных в «Раковом корпусе» Статья первая</i>	<i>121</i>
<i>Г.А. Тюрина. «Язык сам знает, чего он хочет»: Сорок лет работы Солженицына над «Русским словарем языкового расширения»</i>	<i>134</i>
<i>Г. Пшебинда. Солженицын и Польша. Годы 1962–1989</i>	<i>149</i>
<i>Л.И. Сараскина. Слово о Толстом</i>	<i>187</i>

«КАК ЖАЛЬ» И ВОКРУГ

Вступительная заметка Н.Д. Солженицыной

А.И. Солженицын. «И — проскочила между нами душевная искра!»: <i>Из книги «Архипелаг ГУЛАГ»</i>	192
Как жаль	196
В.К. Финк. Моменты жизни проф. В.А. Васильева: К столетию работ изыскательской партии ученого в долине реки Чу	200
И.В. Дорожинская. «Московский след» в рассказе «Как жаль»	207
А.Е. Аркатова. Глазами ребенка: Сказочный подтекст рассказа «Как жаль»	214

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА

Премия 2016

Решение жюри	224
О лауреате	224
Беседа П.В. Басинского с Г.М. Кружковым	226
Церемония награждения	230

Выступления: Л.И. Сараскина, Б.Н. Романов, В.А. Губайловский

Ответное слово: Г.М. Кружков

ИЗ АРХИВОВ

«Он предпочел во всем разделять жизнь своей команды»:

<i>Письмо И.П. Скрябина к А.И. Солженицыну с воспоминаниями об отце писателя (1974)</i>	249

Публикация, подготовка текста, предисловие и комментарии

В.А. Астанкова

«С Вашим возвращением в Россию многим из нас стало легче»:

<i>Из переписки В.Г. Распутина и А.И. Солженицына</i>	255

*Публикация О.В. Лосевой и Н.Д. Солженицыной,
вступительная заметка и комментарии Г.А. Тюриной*

Письма	257

В.Г. Распутин. Неустанный ревнитель.

Памяти Александра Солженицына	266

Р.Б. Попов. «Это был обычный заказ»: История одного экслибриса	267

Предисловие и примечания Г.А. Тюриной

IN MEMORIAM

Памяти Никиты Алексеевича Струве (1931–2016)	274
Прощание с Н.А. Струве в парижском кафедральном Александро-Невском соборе	276
<i>Надгробные слова: Н. Солженицына, свящ. Георгий Кочетков, проф. Жорж Нива, Т. Викторова</i>	
<i>О.А. Седакова. «Очень печально, невозможно печально прощаться»</i>	282
<i>Н.Д. Солженицына. «...Наши годы и годы совместной работы и дружбы»</i>	283
<i>«Самое удивительное — это то, что мы сразу же почувствовали себя дома...»: Письмо Н.А. Струве к А.И. Солженицыну (1990) . . .</i>	288
<i>Публикация, подготовка текста, вступительная заметка и комментарии Н.Д. Солженицыной</i>	
Памяти Александра Моисеевича Горлова (1931–2016)	
Э.С. Горлова. Жизнь инженера Горлова	312
А.И. Солженицын	
Открытое письмо министру госбезопасности СССР Андропову . . .	322
Письмо послу России в США В.П. Лукину	323
Сибирские впечатления (<i>Из телебеседы с А. Ревенко</i>)	324
Памяти Дмитрия Михайловича Шаховского (1928–2016)	326
<i>Вступительное слово и примечания Г.А. Тюриной</i>	
<i>«Сказать про себя: “я реалист” — это все равно, что сказать “я святой”»: Интервью Д.М. Шаховского журналу «Нескучный сад» (2004)</i>	

ХРОНИКА

Раздел подготовлен Е.Н. Савельевой и Г.А. Тюриной

Издания произведений А.И. Солженицына	335
Литература о творчестве А.И. Солженицына	338
Конференции, лекции, обсуждения	340
Выставки, музеи	345
Семинар, посвященный трудам и дням писателя	348
In memoriam	351

ЗЛОБОДНЕВНОЕ

Материалы из прессы и соцсетей

Почему нельзя замолчать дикую выходку у музея ГУЛАГа? 355

*В.П. Лукин, Л.И. Сараскина, Н.Д. Солженицына, Е.М. Демченко
и коллектив Централизованной библиотечной системы
г. Кисловодска, А.В. Урманов*

«Никакого антисталинизма в России больше не будет»:
Из интервью А. Сокурова 359

ОБ АВТОРАХ 360

SUMMARY 362

CONTENTS 366

Солженицынские тетради: Материалы и исследования : [альманах].
С-60 Вып. 5 / Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына ; [гл.
ред. А.С. Немзер]. — М. : Русский путь, 2016. — 376 с. : ил.

ISBN 978-5-85887-465-2

Альманах «Солженицынские тетради» призван способствовать общению профессиональных исследователей жизни и творчества писателя и его заинтересованных читателей. Альманах представляет неопубликованные тексты из наследия А.И. Солженицына, документы, связанные с жизнью и работой писателя, мемуары о нем и его эпохе, исследования, посвященные конкретным произведениям, их взаимосвязям, логике творческого пути писателя, его месту в литературе и культуре, роли в истории XX столетия и той истории, что творится сегодня.

В этом выпуске впервые публикуются очерки писателя из «Литературной коллекции» об Анне Ахматовой, фрагменты переписки А.И. Солженицына с Л.К. Чуковской (1980–1993), В.Г. Распутиным (1994–2007). Хроника происходящего в солженицынском пространстве включает информацию о значимых изданиях книг писателя, новинках исследовательской и учебной литературы, конференциях, выставках, очередных решениях жюри Литературной премии Александра Солженицына. Издание иллюстрировано репродукциями рукописей и фотоматериалами.

УДК 82.0
ББК 84(2Рос)6 + 83.3(2Рос)6